

Кирилла Романов

S

Кирилл Романов

S

«Издательские решения»

Романов К.

S / К. Романов — «Издательские решения»,

В маленьком скромном мире нескольких людей потерялся один. Но в попытке отыскать пропажу оказывается, что потеряться придется и им самим...

Содержание

Вступление	6
Ясэ	10
Глава 1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

S

Кирилл Романов

*And I think it's gonna be a long, long time
Till touch down brings me round again to find
I'm not the man they think I am at home.
Oh, no, I'm a rocket man
Rocket man burning out his fuse up here alone...*

Sr, Elton John

© Кирилл Романов, 2015

© Кира Зорина, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Вступление

Через два слоя мокрого стекла, от автомобильного окна и прозрачной стены кафе, Лекс смотрел на занятый парочкой студентов стол, за которым он с Тото обедал позавчера.

Тогда, в пятницу, его телефон принял сообщением послание от Альберта с просьбой встретить его с самолета воскресным утром. В ожидании пищи, глядя в окно на взволнованные красным светом светофора автомобили, Лекс решил, что обязательно вспомнит по дороге в аэропорт этот обед, и если остановится на перекрестке, то посмотрит оттуда, из машины на этот столик. Задача состояла в том, чтобы вспомнить данное себе обещание. Впереди его ждали два безумных дня с очередными застольями, кальянными, привезенной из-за границы кем-то бутылочкой рома, громким смехом, тихими затяжками густого дыма и поскрипывающей, если хватит запала, в утренних сумерках кроватью. Но он справился. Вспомнил. Зачем Лекс занимался такими ментальными упражнениями, и почему это доставляло к лобным долям удовольствие как от почесываний комариных укусов, сам он не знал, но тренировался регулярно.

Воскресное петербургское небо по майскому обычаю пряталось за полиэтиленовыми бесцветными облаками, иногда опрокидывая с грохотом серые пятна небесного конденсата. Так, наверное, видели по весне крыши теплиц маленькие ростки снизу. Потом они вырастали и опускали созревшие головы, вынужденные тарашиться в черную почву, ожидая появления жнецов.

На светофоре загорелся красный. Лекс уставился сквозь редкую рябь из пробегающих людей на тот самый стол и силился вспомнить самые незначительные детали пятничного разговора.

Кивая головой в ответ на длинные монологи брата, Тото косился на свой гаджет, контролируя ход футбольного матча в он-лайн игре. Около тридцати лет назад он, скорее всего, в первый раз расстроился, что брат опередил его на несколько минут, финишировав лидером при появлении в этом мире. Теперь Тото должен был выигрывать любые состязания, все, которые находил и считал достойными для своего участия. И все это пошло бы на пользу, если развитие себя стояло бы во главе, а не факт победы, – часто повторял ему Лекс. Тото мало кого слушал, не потому что пренебрегал или был равнодушен, а скорее не был способен удерживать на чем-либо внимание достаточно долго. Вокруг него всегда должны были работать всевозможные звуковые источники информации – гаджеты, телевизоры, жена. При этом Тото обязательно интересовался у спутников о событиях в мире, но переставал слушать их ответы уже до начала диалога, откровенно и без стеснения переключаясь на радио или телефонный разговор. Может быть, поэтому в его доме часто бывало много друзей, их бурное веселье и стук недовольных соседей в стены восполняли его бесконечный недостаток в событийности. Лекс верил, что он просто не нашел еще подходящего применения своему позитивному бешенству, что его светловолосая голова не нашла себе еще мишени для упора.

Как так вышло, что братья двойняшки оказались непохожими друг на друга больше чем два случайных прохожих, оставалось генетической загадкой. Темноволосый Лекс никогда не оглядывался с превосходством не тех, кого обогнал. Только вперед, туда, где он еще ничего не видел. Без чрезмерного рвения, но и без недовольства мог помочь вытаскать к «новому» менее любопытных, хотя никогда не ставил это в обязательные задачи. Он мог сидеть на одном месте и делать всего лишь одно дело сколь угодно долго и максимально сосредоточенно, в кардинальном отличии от Тото, который возможно самовоспламенился бы, угодив в такую тесную ловушку.

Подобно неугомонной чайке, один из братьев крутил головой, отвлекаясь на блестящие автомобильные диски, изящные женские туфли, обивающие тротуар, новые наименования в меню, которые решено было попробовать, во что бы то ни стало. Внутри него бурлило светлое, молодое вино, готовое взорваться брызгами во все возможные стороны, вытолкнуть пробку без цели, но по причине невозможной тесноты.

Второй наблюдал за братом с пристальным вниманием ястреба в небе, черными глазами подмечая излишки движения и суеты, иногда ухмыляясь, но, не отпуская идею найти для него тот самый выход, упор для всей его несобранной в кучу силы.

Через звон вилок и ножей, звонков и разговоров по телефону, и чей-то обязательный для таких заведений отвратительный смех, до Лекса донеслось пиццание телефона из сумки.

Тото одернул глаза на звук, но сразу опустил снова.

Сейчас, тяжелым, сумрачным, сырым утром воскресения, уставившись в окно, Лекс отчетливо помнил лицо брата, прочитавшего вслед за ним сообщение в телефоне. Как будто где-то подернулся нетерпеливый занавес между вторым и третьим звонком.

Резкий сигнал клаксона автомобиля сзади передал всю полноту негодования своего владельца и обозначил свободу перемещения вперед. Лекс зажмурил глаза со всех сил и тут же открыл, где-то писали, что так полезно. Через серую, размытую по лобовому стеклу, кашу он тронулся в сторону аэропорта, как и обещал Альберту в ответе на то самое сообщение.

Альберт всегда писал очень практично, как в советских телеграммах, где приходилось экономить символы, никогда не использовал эпитетов и лишних слов. Он обязательно учитывал все возможные дополнительные вопросы сразу, поэтому у Лекса не было возможности выбирать сценарий. Петербург добавил ко всему своих декораций и эффектов, обеспечил всем проснувшимся в это дивное, наполненное холодной водяной агрессией утро, чрезвычайно нестабильное настроение.

«Воск10ам. Пулк. Если никто не встретит, поеду к тебе»

Ко всему прочему в квартире Лекс оставил несколько укутанных, спасаясь от озноба, в одеяло людей. Волосы их были взлохмачены постоянными ерзаниями по тесным спальным местам от сбивающих дыхание пост алкогольных снов. Привыкшие просыпаться на работу ранним утром за прошедшие пять-шесть дней, в воскресное они обычно только укладывались спать. Цикл повторялся, невзирая на погодные условия и места обитания. «Лагерь» разбивался по факту наступления утра в том же месте, где оно догнало уставших беглецов, стартовавших с последним звонком своих офисных фабрик в долгожданный трип. Бежали все по-разному – марафонцы, спринтеры, с ролью и регламентом обычно определялись заранее. В путешествии каждый держал свою роль, выполнял свою отдельную функцию необходимую для поддержания целостности собравшейся группы. Лексу выпало в этот раз устроить у себя постоянный двор, а в последствии и реабилитационный центр для растративших силы путников.

Бежали. Так стремились куда-то бежать.

Альберт не таскал с собой саквояжей и тем более зонта. Его голова намочла, но не испортила простейшую композицию из миллиметровых волос на бритой поверхности. Лекс описал ему предполагаемое положение вещей и людей на данный момент в двух словах. Альберт слушал, уставившись на атакующие стекло капли, как принимающий отчет директор с напыщенным чувством отсутствия заинтересованности.

Лексу в моменты приступов негодования иногда удавалось задаться вопросом, откуда вообще в их с Тото жизни взялся Альберт. В самой обыкновенной одежде, с набором стандартных вредных привычек, он напоминал им среднее арифметическое от всех мужчин Земли в районе тридцати. Пропадая и появляясь неожиданно, его присутствие всегда определяло все

значимые для братьев даты последних нескольких лет. На свадьбе Тото и Ясэ Альберт после долгих уговоров вышел сказать тост. Гостям с полувековой личной историей понадобилось пропустить по паре рюмок, прежде чем восторженный плач окончательно стих. Дни рождения, годовщины, ужин в четверг, поход в кино по средам, пробежка во вторник – казалось, что Альберт теперь всегда рядом, что стоит набрать его номер, как мелодия звонка тут же заиграет.

На отвлеченное замечание Лекса об «убегающих» Альберт вдруг откликнулся резким подергиванием головы:

– Здесь так много ресторанов и баров, – заметил он, проводя рукой по мокрому стеклу. – Много людей. Бегут, как ты выразился, в основном группами.

– Почему? – вдруг спросил Лекс.

– Потому что неизвестно куда. Страшно. Все видят только откуда. Как будто бегут спиной вперед. Но спиной вперед нельзя. Собираются в пары хотя бы – одному жутковато...

В голосе Альберта была какая-то неизвестная никому до этого колкость. Лекс почувствовал себя уставшим водителем такси, который тщетно пытался заговорить с вынужденным пассажиром.

На площади уже успела образоваться пробка. Дождь обтягивал прозрачной пленкой гранит вокруг памятника высеченному из тела планеты вождю.

– Смотри, – Альберт все громче продолжал – видишь, на скамейке сидит бабушка под цветным зонтом? Она уже свое отбежала. Выдохлась пару десятков лет назад. Каким-то образом поняла где-то внутри, что не добежит, что не знает уже, куда и зачем. И остановилась. Ее глаза начали тускнеть, и вскоре они затянутся мутной пленкой. Мозг «вращает» мир все медленнее. Это естественная реакция организма на страх.

Лексу по настоящему становилось страшно.

– А вы еще на полном ходу. Еще с задором и отвагой пытаетесь сотрясти неизвестный вам мир, неизвестных себя. Как заключенные в первые дни своего пребывания взаперти, вы уверены, что скоро сбежите! – Альберт вдруг опустил голову и выдохнул воздух, скопившийся от неполноценных яростных вдохов, похожих на всхлипывания при неконтролируемом рыдании.

– У тебя что-то случилось? – дрожащим голосом Лекс выдал себя. Похмельная дрожь охватила все тело необъяснимым приступом клеточной паники.

Он запомнил тот взгляд – Альберт поднял голову, полу прикрыв глаза, и резко дернул веками вверх, сверкнув необычной яркостью радужных оболочек.

Казалось, вот-вот что-то лопнет, явится Бог или нечто подобное, и всем откроется истинное, самое глубокое осознание. Но вместо этого, наполняя эхом кибер мелодий пространство, в кармане у Лекса заистерил телефон. Экран предоставил отчет о намеревавшемся войти в связь длинноволосом парне с обвисшим лицом и затуманенными глазами, подписанным снизу как «Мишель». Туман в его глазах заполнял пустоту, с которой все равно не справлялся. Каждый, кто знакомился с Мишелем, не выдерживал глазной дуэли в упор, хотя сам он никаких неприятностей через взгляд специально не передавал. Может быть, всех пугало его равнодушие. К людям, да и вообще ко всему людскому, ни капли злости Мишель не испытывал, а даже наоборот; но в отличие от большинства, все это занимало в его голове только лишь второе место. На первом, вырвавшись очень далеко вперед, там внутри за его глазами, задавала темп и правила бал музыка. Неизвестно насколько огромное ее количество и скрывала от всех эта дымовая завеса в глазах. Мишель играл сам, очень редко на людях, чаще для устройств звукозаписи; учил играть других, чем зарабатывал себе на еду, сигареты и то, что употреблял со всей командой по выходным.

Лекс с облегчением взял трубку, но с той стороны струей пара под давлением вырвался крик:

– Лекс, Лекс!!! Послушай!!! Я до сих пор не могу уснуть. Что там за таблетки мне подсунули, и сколько их было? Ты помнишь?!!! Что делать? Я хожу по комнате уже второй час. Я уже перестал пытаться. Дай мне Тото! Он рядом?

– Успокойся, – Лекс привычно ухмыльнулся. Обычное дело.

– Пива выпей...

– Уже. Не помогает. Тото у тебя?

– Вроде не было с утра.

– Мне звонила Ясэ, говорит, что мы с ним вчера остались вдвоем за барной стойкой в Крестах. Но я помню только, как садился в такси один. Дома его нет.

К Лексу вернулась, как оказалось, ожидавшая своего шанса похмельная паника. С Тото никогда ничего не случалось. Любой из людей имел шансов про запас попасть в историю по сравнению с Тото.

Мишель обещал обзвонить вчерашнюю «команду». Лекс остановил машину у пустого, почти черного от воды тротуара.

Все это утро. Альберт. Полу голые пьяные тела в квартире. Питерский серо-белый май. Этот страх, про который говорил Альберт. Это он заставляет бежать. В бутылки, таблетки, порошки. Что-то мучается там внутри взаперти и боится. Как будто в зеркало смотрит в неизвестность и черноту и не видит себя, съеживается от ужасной догадки о собственном несуществовании.

Лекс отчаянно пытался ухватиться сознанием хотя бы за что-нибудь. Но все вокруг разлеталось на пылинки и уносилось из головы, подхваченное космическим ветром в направлении поглощающей галактику черной дыры. Панический утренний свищ воскресения. Лекс «трогал» края отверстия наяву.

Дождь вышел на крейсерскую скорость. Альберт, казалось, начинал пропитываться местным унынием и снова завис на размытой картинке своего окна. Лекс постарался взяться за свои онемевшие от перенапряжения части тела и из всех сил прохрипел:

– Альберт... Мне кажется, что-то случилось. Тото пропал...

Ясэ

Люди распространялись матрешкой. К большому городу приклеен поменьше, к тому еще один или два, потом поселки, деревни, хутора.

На самом краю этих расходящихся кругов от брошенных на поверхность земного океана людей сидела девочка, рассматривая метания стаи маленьких рыбок в просвечиваемой невысоким северным солнцем озерной воде. Суета прибрежных птиц и переливы тяжелых волн между сморщенных камней наполняли пространство отсутствием человеческого. Было слышно как вековые сосны, кряхтя и потрескивая корой, расправляют свои кольца погреться на чуть теплом августовском Солнце.

К еле уловимому запаху осени, чьи разведчики уже мелькали в вечерних сумерках между осунувшимися деревьями, в тот день добавилась смерть. Вместе они стянули немногочисленных жителей деревни колючей веревкой в сноп и собрали готовой воспламениться охапкой хвороста у крыльца дома.

Ясэ сбежала через калитку с внутренней стороны двора. Она слышала, как бабушка прокричала ее имя несколько раз. Оставшись по обыкновению без ответа, старушка сняла с крюка в коридоре сморщенную палку и вышла к встревоженному сборищу ерзающих людей. В разнообразии далеких голосов различить что-либо внятное Ясэ не смогла. С доставшимся по наследству от бабули спокойствием она скрылась в потрескивающем своей жизнью лесу, не без удовольствия оставшись наедине с собственным молчанием. Этот дар – внутреннее молчание, как говорила ее мама, уже давно передавался по женской линии рода, но понимали и использовали его на благо не все. Люди ходили в их дом за советом как раз из-за него, хотя больше слов им нужна была порция спокойствия, которое могучей рекой неизвестной поддерживающей жизнь силы текла через их женские тела. В молодости все девочки в семье отличались нечеловеческой изящностью контуров тела, губ, завораживающим способом передвижения глаз в ровных очерченных глянцево-черными бровями вмятинах глазниц. Может быть, поэтому, а может быть в качестве еще одной из свалившихся на их род особенностей, все взрослые женщины свою вторую половину отведенной им жизни проводили одни. Юные претенденты плакали, дрались и истязали себя в порывах неконтролируемой страсти. Вокруг титанического спокойствия женщины всегда раскручивался турбулентный водоворот из дикости мужчин. Они погибли на войне, писали стихи, хлопали громко дверьми, возвращались и умоляли о прощении. Но все истории заканчивались, и с груженым составом опыта все предшественницы Ясэ переваливали за экватор в одиночку, где пребывали в привычном состоянии покоя и умиротворенности до своего молчаливого конца...

Умерла ведьма. Жители села, в жизни которых как плесень начинали появляться мобильные технологии, а с ними страсть к простоте и ясности явлений, пугались старых легенд с панической настороженностью. Бабка, что преставилась в тот день, прожила втрое больше самых сильных из них. К ней ходили просить за свой грех, когда он оказывался таким чудовищным, что воскресные службы у Христа не спасали мгновенно чернеющую снова при выходе их храма божьего душу. Грешники эти уже ничего не стеснялись, жили своим грехом и его известностью среди соседей. В какой-то момент осуждение людей всегда останавливается на заточенном пике. И если пик этот не протыкает виноватого многочисленными ножевыми, происходит откат, а в отсутствии рецидива помощь спасающемуся от своей беды. Но к старухе ходили еще и те, кто только собирался попробовать взвалить на себя ответственность за исправление чужой жизни. Эти платили щедро. Просили приворожить, наслать порчу, хворь на весь род. Теперь остались без поддержки со стороны темноты. Оторопев от неизвестности и внезапной потери центра сосредоточения всех своих яростей, толпа пришла к дому бабушки Ясэ. На добро и свет золоченого креста церкви никто даже не подумал понадеяться. Расшатывать страхи борьбой с ними всегда означало скорое нервное истощение.

Пальцы на босых ногах начал сводить холод остывающей так быстро теперь земли. Ясэ пробиралась через полоски света между деревьев, собирая настоявшиеся запахи в память. Им предстояло исчезнуть совсем скоро. Ясэ же ждала дорога в большой город, откуда по слухам возвращаются уже без особенной страсти и внимания к тонким структурам нелюдимого леса. Их каменные стены делали слепыми и неяркими глаза, думала она, а души ламинируют в самый современный и прочный полиэтилен как кусочки мяса в магазине. Ее внутреннее молчание превращалось в задумчивость каждый раз, когда она считала дни до своего отъезда, но пере-думать она не позволила бы себе никогда...

Бабушка сидела на лавочке возле дома и курила, уставившись куда-то вдаль. Она походила на вождя племени Яки сейчас, ожидавшего бурю или наступление врага на горизонте. На завалинке, так называлась эта маленькая старая скамеечка, даже самый упертый и замкнутый на себе человек способен был ослабить собственную хватку и отрешиться от суеты. Она была аналогом коврика для медитации здесь. «Тот в тебе, кто заставляет постоянно над чем-то думать, покорно отойдет в тень и оставит тебя наедине с собой, как только ты приземлишь свою задницу на нее...», – часто повторяла, насмехаясь над гостями, бабушка. Ясэ сидела на скамейке по ночам. Кружка горячего крепкого чая, ворованная у бабушки сигарета и поверхность скамейки под спиной – единственное, что удерживало ее сознание спасительным парашютом в мире в такие ночи. Она погружалась с головой в звезды, чувствуя себя в их одиноком свете как дома. Ее внутренняя тишина была как будто каплей этого несокрушимого космоса, постоянным напоминанием о его крепких объятиях...

– Ты должна будешь помочь мне сегодня, – выпуская клубы дыма, проговорила бабушка. – Это мертвое чертово отродье все боятся трогать, а оставлять так тоже мало приятного. Я сказала им снять крышу с дома – священнику будет не так страшно. Дергается тоже как одинокий головастик в темной канаве.

– А я зачем? – с видом планирующего вылазку разведчика, не поднимая глаз, спросила Ясэ.

– Ну а ты что же, боишься?

– Вроде, нет...

К сумеркам от крыши ведьминой избы остались ломаные доски и отесанные бревна, в беспорядке разбросанные вокруг стен. Бревна отрывались и отламывались от дома в панической спешке. Говорили, что кто-то даже упал с лестницы, и что это старухино неугомонное зло противилось попыткам людей изгнать его.

Осунувшегося священника вели под руки. Ясэ тащила за ним сумку со свечами, крестами и склянками, среди которых через сломанную молнию на дне мелькала подранной этикеткой початая бутылка водки. «Сантехник почти, – тогда подумала она, – только воды своей чего-то испугался».

Люди остались за забором.

Старуха лежала на кровати посреди единственной комнаты. Закутанное в платок лицо походило с виду на кусок вяленого морщинистого мяса. Мертвое тело составляло подходящую компанию, будто ожидавшему и приготовившемуся его принять, интерьеру. Старинные фигурки балерин и берестяные игрушки вековой давности повывлезали из темных углов, из чердаков, из под крыш, оттуда где живут домовые, встречать ведьму в свое прошлое.

– Не трогай. Пусть стоят себе,

Бабушкина рука опустилась на плечо Ясэ, и та не решилась настаивать на рассмотрении пыльной коллекции поближе,

– Они уже очень долго хранят свои истории. Потому она их и собирала. Истории скорее всего захватывающие, но жестокие. Обычно такие лучше всего ложатся в их память. Металл и камень умеют помнить человеческую боль. И люди очень давно это знают. А может, когда-то металл и камень научили людей убивать. Кто только им указал на такую роль. А фигурки кричат из прошлого, если слышать. Кто о чем. Человеку страшно прислушаться к ним, но по дикому интересно. Потому что они живут сквозь время, несут себя сквозь клетку часов, в которой человек мечется, осознавая неизбежность смерти. Страшно человеку, но жутко интересно попробовать заглянуть хотя бы назад, туда, в заваленный старым хламом и пеплом событий чердак осыпающегося прошлого.

Бабушка обошла вдоль стен комнаты, скрипя прохудившимся полом. Ясэ показалось, что от ее слов остолбеневший батюшка сейчас рассыплется и добавит к имеющейся пыли еще горстку. Она начала доставать из его старой дерматиновой сумки принадлежности для обряда и передавала ему. Святой отец ожил и принялся за приготовления, не забыв обозначить начало работ по традиции парой глотков наверняка освященного спиртового раствора. Так расставленные свечи казались прямее и держали огонь, как правило, крепче, создавая необходимую гармонию в рисунке ритуала.

Наверное, сверху, в отсутствии крыши, это выглядело удивительно – подумалось Ясэ. Она подняла глаза и в квадрате неба увидела, как сверху на подсвеченные облака давит темнота. Свет уходил за Солнцем, оставляя в редких высоких полосках свинцовые следы, похожие на зарубины или следы от расцарапавших кожу когтей. «Мужики сняли крышу, Солнце сорвало балдахин с неба, и остались мы лицом прямо из постели в космос...», – пробормотала Ясэ, рассевшись на полу спиной к холодной печке.

Когда все было готово, а священник почти нарядился в рабочее, бабушка предложила ей выйти, и Ясэ, еле скрыв воодушевление, вышла на улицу. Хоть комната внутри дома и не особенно отличалась атмосферой в отсутствии крыши, во дворе было теплее и спокойнее. Небо и звезды были вокруг, а не в фокусе прямоугольника из стен, ветер приносил голоса и запах костра с берега. Жизнь из всех сторон придавала столько уверенности и непоколебимости, что в небо можно было смотреть даже с удовольствием, чуть балуя себя иногда приемами аккуратного осознания неизвестной огромности космоса, на который ты нацелил свои глаза...

Люди, что оставались около забора, разбрелись по домам. Сидели за столами и выпивали по вечерней за ужином.

Отыскав лавочку за «поехавшим» в сторону сарая, Ясэ присела и прислушалась. В доме монотонно шептали, иногда позвякивая инструментами, а может посудой. Пара заимствованных у бабушки сигарет смялась в кармане. Аккуратно, чтобы не порвать папиросную бумагу, она достала из кармана одну и закурила, медленно свалившись в головокружение. «Вот звезды наверху», – думал она – «А вот я закрыла глаза, и их уже нет. Какое мне дело до точки на небе, если я могу убрать ее из жизни, повернув голову. Навсегда. Я их и не запоминаю даже. Утром Солнце накроет нас колпаком и все. Все пропали...»

Глаза ее закрывались и открывались, размышляя о разнице, пока в очередной раз ни решили остаться сомкнутыми. Почти сгруппировав сознание для сна, в глазах ее загорелся вспышкой фотоаппарата свет. Она вскочила с возможно первого в своей жизни испугу и на самом выходе успела поймать разогнавшийся по гортани крик. Вокруг все оставалось прежним, но пропитанным неслышным звоном непривычности. Как будто она встала в неположенное время, не по судьбе, как будто ее вдруг протащило через временные складки в ближайшую из параллельных вселенных. Здесь было тревожно. Ясэ подумала, что все это возможно часть взросления и переходного возраста. Взрослые всегда утверждали при первой возможности, что жизнь – жестокая штука. Все как один они как будто знали на собственном опыте об этом, и, прищуривая глаза, качая головой, сваливали это сверху на наивных детей. Наверное, это приходила ясность и трезвое мышление, предполагала она. А наивность растворялась как свет в вечернем небе. Пелена спадала и оставалась истинная картинка без заблуждений и помех...

Бабушка, устало вздыхая, появилась из-за сарая и села рядом.

– Вроде угомонился святой отец. Положила спать окаянного...

Чиркнула спичка. Громко и глубоко она затянулась и на выдохе откинулась назад к покосившейся стене.

– После второй бутылки сжечь ее предлагал. Дурак... Вместе с домом, говорит, спалю. Священным огнем. Сопьется когда-нибудь до чертиков.

– Страшно ему, наверное.

При слове «страшно» у Ясэ подернулся подбородок. Ей показалось, что она впервые произнесла его с осознанием заключенного внутри значения. Как будто прочитала его в первый раз в букваре, глядя на поясняющую картинку рядом.

– Страшно... Всем страшно, – ответила бабушка. Она вдруг повернула голову и приготовилась следить за каждым движением внучкиного лица. – Мне иногда кажется, что от этого страха все по утрам и встают только. Каждый своего конечно боится, но гонит себя этим с постели. Ты скоро поедешь жить в большой город, скажи, тебе страшно?

Из деревни после школы уезжали почти все. Те, кто оставались, служили впоследствии наглядным поводом для того, чтобы уехать.

Ясэ выбрала Питер. Он был загадочнее и больше всех остальных. И ей казалось, что он, может быть, сможет попробовать вступить с ее молчанием в разговор.

– Я не боюсь. Я немного растеряна. Как будто незнакомые ребята пригласили играть в игру на чужом дворе, правил которой ты совсем не знаешь...

– Ты поймешь. Правила – простые. Они тоже боятся. Но их много, как травинки в поле. Шатаются вместе. Какое дело колоску до своих переживаний, если у него вокруг поле? Вот и страх он прячет. Каждый из них прячет, в поле этом. Сверху крышка из дыма, под ногами грунт. Такой вот городской парник. Душно там, наверное, теперь стало, – бабушка чуть улыбнулась, видимо, припомнив сюжеты из своей юности, истину о которых она давно запаковала с собой в могилу.

Ночь приближалась к перевалу, что вел к следующему дню. На самом пике его сидели, почти задремав, Ясэ и ее бабушка. Их тонкие щелки закрывающихся глаз еще немного пропускали сквозь ресницы свет выскочивших аллергией на свет звезд на темном августовском небе.

Вспышкой фотоаппарата загорелся свет. Снова. Ясэ вскочила, раскрыла глаза, но свет ударил еще сильнее. Оно летело по небу или падало, сгорая в атмосфере и освещая пространство вокруг серебристым холодным цветом десятка Лун. Без звука. Бабушка нахмурилась, но не вставала со скамейки. Проводив взглядом падающую звезду до горизонта и выждав пару секунд, она снова закрыла глаза. Ясэ поняла, что приставать с расспросами и природе увиденного – бесполезно. Ей вспомнился «Мальчик-звезда» – сказка, которую она читала когда-то. Может быть, он где-то появился сейчас на улицах Питера в люльке обвязанной серебристой лентой из неземного материала, или голым роботом в подворотне, рыскающим в поисках цели...

Ближе к утру становилось прохладнее. Осень перед самым рассветом запускала свои тестовые программы. Люди в деревне вставали рано, с самым восходом.

Разбудить святого батюшку оказалось не так легко. Видимо, он пытался поджечь простынь, на которой лежала покойная в попытке привнести в обряд святого огня инквизиции. Но сил его хватило лишь на десяток метров по-пластунски и пары неудачных попыток извлечения пламени из зажигалки. На простыни виднелись темные пятна – единственные следы его религиозного террора.

Он дрожал. Они успели выпить горячего чая из термоса перед тем, как выйти к собирающимся у калитки людям. Глаза жителей были наполнены уважением и благоговением перед их усталыми лицами и отеками под глазами. Святой отец заявил о счастливом завершении операции, махнул рукой и отправился спать. Ясэ с бабушкой последовали его примеру.

Сентябрь уже регистрировал свое прибытие. Запах железнодорожного мазута и шум колесных вагонных пар возбуждали Ясэ, как спринтера возбуждает взвод курка стартового пистолета.

На вокзале несколько дней спустя она увидела среди прочих отправляющихся девочку лет шести в огромной футболке до колен, на которой прописными буквами было вышито: «*I can FLY*». «Я тоже попробую», – подумала Ясэ и поднялась по лестнице внутрь оживленного вагона...

Глава 1

Тото пропал.

После того, как Альберт уговорил Лекса не поддаваться на провокации сердца и нервов, пытавшихся сподобить организм на приступ, они решили попробовать начать с малого. Лекс позвонил к себе домой и предупредил всех о мобилизации. Панику поднимать не стали. «Альберт приехал, а до Тото не дозвонится», – легенду озвучили незамысловатую. Сам Альберт вызвался поехать к Ясэ, появиться несведущим в обстоятельствах и попробовать заполучить доступную ей информацию во всей полноте. Кресты – бар, в котором Мишель видел Тото в последний раз, открывался в семь. К этому времени, именно там был назначен общий сбор по поводу приезда Альберта. Лекс пытался поймать себя на уверенности, что Тото придет туда тоже. Пара бокалов пива, чтобы снять напряжение перегруженного вчерашним обменом жидкостями организма, жареные кусочки сыра, мяса в панировочных сухариках и смех участников вчерашних мероприятий, – все это казалось как никогда заманчивым, и от того подозрительно невозможным. Если Тото не придет, думал Лекс, обстановка станет чрезвычайной.

Воскресный день всегда располагал к сентиментальностям. Веселье оставалось во вчера, заботы откладывались на завтра. Оставались люди наедине друг с другом. Звонили родители... Родители! Они всегда звонили по воскресениям. Первому Тото. Когда у Лекса в очередной раз задрожало в кармане, он с быстротою суфлера повторял отрепетированный ответ на вопрос о неожиданной недоступности Тото.

- Привет, мам...
- Привет. Брат твой где? Не могу дозвониться. Все в порядке?
- Все хорошо, мам. Спит, наверное. Вчера погуляли...
- Я надеюсь, вы не злоупотребляете там?
- Да... да, нет, конечно...

Она думала, верно, что они выпивают вина за ужином, или пару пива в баре с гренками. Хотя, даже в самых популярных и ширпотребовских фильмах была ясно представлено, как обычно складывается современный уикэнд. Каждое воскресенье Лекс ощущал внутри, что так проводить время совсем не правильно. От этого мучался под самый конец недели угрызениями совести и чрезмерной тревожностью за свою судьбу.

Нет, скорее не за судьбу, а за текущее положение усталого, праздного, потратившего время на стопки бездельника, мусолившего в голове отвращение к самому себе.

Сегодня добавилась беспомощность. Подстегнула. Он вдруг почувствовал опустошенность, какой не испытывал до этого момента. Если Тото вечером не придет, думал Лекс, он просто упадет от бессилия перед этим всем...

Обитатели «похмелье – кемпинга» с трудом разминали суставы и массажировали припухлости осунувшихся лиц. Запах по сравнению с майским, пускай и сырым, холодным уличным, в квартире стоял отвратительный. Лекс, не снимая ботинки, прошел на кухню и открыл форточку. Информации о Тото никто не раздобыл. Зато успели разогреть суп в огромной кастрюле и приготовить в ванной из ведра и обрезанной пластиковой бутылки так называемый «водяной бонг». По еле уловимому аромату жженных осенних листьев, Лекс догадался, что приспособление уже подверглось тесту.

Господа выглядели измученными и выложившимися марафонцами, достигшими финиша на замкнутой цикличной трассе, и упавшими у белой полосы с зеркальным расположением надписей «СТАРТ» и «ФИНИШ». Каждый из них хоть раз, но спросил себя о причинах и пользе таких «забегов», вследствие которых они остались на том же месте, но лишённые сил.

Фрикаделек в супе было немного. Каждому поровну. Община держалась на заботе друг о друге, но не без умеренных издевательств над теми, кому все-таки фрикадельки не хватило.

После нескольких чашек сладкого крепкого чая и пары курительных пауз в ванной к голове Лекса подобралась усталость и относительный покой. Осознание того, что единственным выходом оставалось лишь ожидание, позволило взять тайм аут. Он присоединился к группе продолжающих пребывать в оцепенении на полу, принял позу эмбриона у окна, закутавшись в одеяло, и слушал броуновский майский джаз дождевых капель о подоконник. Ему вдруг показалось, что они из песка, и стучат о стекло одноименных огромных часов, на нижнем дне которых, он пытался уснуть. Когда песок подобрался к голове, сила, что не давала времени остановиться, перевернула часы, и Лекс потерявший равновесие, освободившийся от опоры, в полете уснул...

Поверхность для приземления оказалась упругой и по ощущениям очень тонкой. Лекс открыла глаза, но вдруг понял, что они не открылись. Точнее открылись, но как будто совсем не они.

Внимание с непривычки болезненно ударило белым светом отовсюду. Вокруг не было ничего, только снежного цвета поверхность, на неизвестно большое расстояние распространяющаяся во все стороны. Попривыкнув к растерянности в пространстве, Лекс попробовал встать. С определенным верхом и низом оглядываться было гораздо проще.

«Никого», – подумалось ему. Тут же вдалеке появилась черная точка. Вибрируя и, подергиваясь, она росла, а, следовательно, приближалась. «Человек...».

Человеку оставалось с десятков шагов. Его лицо было мужским, загорелым и не похожим на современное. Он щурился и прикрывался от чего-то рукой. Еще чуть ближе, и Лекс заметил, что его серые волосы и одежда, похожая на больничную униформу, развивается как будто на сильном шквалистом ветру. Ветер вдруг стих, когда человек приблизился на расстояние вытянутой руки. Его взгляд и цвет, да и вообще структура походили больше на старую черно-белую фотографию, совсем из тех первых, на которых давно забытые пра пра родственники, история, что уже начала преобразовываться в мифы о чудных нарядах и подвигах духа. Он поднял руку ладонью вперед и громко отчетливо спросил:

– А ты где?

Лекс почувствовал намерение растеряться, но делать этого не хотелось.

– Я не знаю, – спокойно проговорил он.

Незнакомец удивленно и радостно улыбнулся, протянул руку и как будто потянул за собой. Лекс двинулся вперед. Само пространство вокруг пришло в движение. Ветер, тот самый, что принес с собой серовласый, осторожными попытками касался кожи и волос. Вдруг показалось, что где-то зашелестели осенние листья. Белая пелена вокруг спадала как занавес. Под ногами захрустел песок. Вокруг стало темно, и от резкой темноты у Лекса заслезилась глаза. Голова дрожала от озноба и кружилась в попытке уследить за сменой декораций. Они менялись с ураганной частотой. Рука тянула его все дальше и дальше, пока, наконец, не ослабила хватку.

Лекс моргнул и снова открыл глаза. Он сидел на куче сухих веток над нависшим над ним крючковатым камнем. Вместе с выступом снизу они создавали подобие грота, но разглядеть, из чего торчали эти гранитные нос и подбородок, Лекс не мог. Седовласый сидел напротив. Между ними горел огонь костра. Грот защищал от ветра, что создавал у границы скалистого козырька завихрения, а вместе с ними непрерывный вой, похожий на тягу в трубе печки.

Камень окружал со всех сторон, кроме одной, той темной, куда ветер уносил самого себя. Лекс повернул голову и увидел там лица знакомых людей, деревья, горы, бургеры из закусокных. Картинки всплывали как квадратики окон на экране планшета так быстро, что к горлу подступила тошнота. Он отвернулся и уставился на огонь.

Лицо старика освещало пламя. Он казался волнистым барельефом на темном пространстве. На голове и на теле непонятно откуда появились разного цвета и размера перья, на шее цветастое ожерелье.

– Ты кто? – спросил он, казалось, не переставая улыбаться с момента первого короткого разговора.

– Я Лекс. А ты?

– Я... Я даже и не знаю уже. Я – этот грот, огонь и ветки под твоей задницей. Я грешным делом сначала решил, что тебя тоже сам и выдумал. Но видимо нет. Или я еще раз схожу с ума.

– Еще раз?

– Да, – старик улыбнулся чуть шире, – я тут уже очень долго. Много всего было. Я могу рассказать...

Было похоже, что он пытается скрыть хранившуюся уже много лет надежду на полноценную двустороннюю беседу. Широко раскрытые глаза выдавали трепетное ожидание ответа. Лекс не возражал. В отсутствие всех привычных характеристик, определяющих человеческое существование, сейчас ход событий был не особенно важным и совсем неконтролируемым. Даже слова, проговариваемые Лексом, придумывал совсем не он сам, так ему казалось.

– Расскажи сначала кто ты?

Седовласый опять натянул важную, но довольную физиономию и чуть улыбнувшись, глубоко вздохнул. Казалось, открыв рот, он запоет один из древних эпосов и начнет свою историю с рассказа о сотворении мира.

– Когда меня вытащили из маминого нутра в мир, отрезали лишнее и, предоставив моей воле выбор, вся деревня затаила дыхание. Я был первым сыном Вождя. Отец, разукрашенный кровью антилоп, в полном торжественном наряде держал меня на руках. Глаза мои осматривались по сторонам, я шевелил ушами, пытаюсь уловить незнакомые до этого звуки, но сам не издавал ни единого. Люди стали оборачиваться. Казалось, даже муравьи остановились на своих тропинках, побросав свои грузы. Отец признавался, что видел тогда, как по очереди начинали блестеть глаза у женщин. Испуганный мир приготовился провалиться в отчаяние. В тот момент, когда ком в горле Вселенной пережал все возможные для дыхания пути, я закончил анализировать пространство, в которое угораздило провалиться, посмотрел в глаза отцу и заорал, скомандовав миру продолжение жизни. Шаман говорил много слов. О том, как зависает последняя капля кукурузного масла на горлышке перевернутого разрисованного цветами кувшина, как смущенно замолкает дождь, издалека углядев лучи, проснувшиеся растерзать его бурлящее тучное тело в небе, как перехватывает дыхание вершин гор, и останавливается на мгновение само время проводить замаявшееся на пороге дня Солнце. Меня назвали – «Длинная Пауза». То есть – Тот Кто Заставляет Задуматься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.